

Злые, безумные, молодые...

Памяти 90-х

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 68

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Составители
Александр Етоев, Павел Крусанов

© В. Л. Айрапетян, 2026
© В. И. Аксенов, 2026
© В. С. Березин, 2026
© И. В. Бояшов, 2026
© Ю. В. Буйда, 2026
© А. Н. Варламов, 2026
© Е. Г. Водолазкин, 2026
© А. В. Геласимов, 2026
© С. А. Гребнев, 2026
© О. А. Еремина, 2026
© А. В. Етоев, 2026
© М. А. Замшев, 2026
© И. А. Караулов, 2026
© А. В. Кивинов, 2026
© А. Ю. Колесников, 2026
© М. А. Косарев, 2026
© П. В. Крусанов, 2026
© А. Г. Лазарчук, 2026

© В. А. Левенталь, 2026
© И. А. Малышев, 2026
© А. А. Матвеева, 2026
© А. М. Мелихов, 2026
© Н. М. Курчатова, 2026
© С. А. Носов, 2026
© О. Л. Погодина-Кузмина, 2026
© В. Г. Попов, 2026
© Е. А. Попов, 2026
© Я. А. Пулинович, 2026
© А. В. Рубанов, 2026
© К. В. Рябов, 2026
© Г. У. Садулаев, 2026
© Р. В. Семашков, 2026
© Р. В. Сенчин, 2026
© Фигль-Мигль, 2026
© Д. С. Филиппов, 2026
© М. В. Хлебников, послесловие, 2026
© Оформление, состав.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33114-3

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Замысел этого сборника возник, когда в пылу дружеского разговора мы вдруг осознали, что столь важный для нашей страны период девяностых, несмотря на все попытки его осмысления, в литературе отрефлексирован фрагментарно, нарочито полярно (оппозиция: глоток свободы — падение в бездну) и определенно недостаточно. Публицистика и кинематограф — другое дело. В последнем случае: Балабанов, первые сезоны «Улиц разбитых фонарей», «Бригада», «Слово пацана» et cetera. Тут все в порядке, тут практически готовый видеозэпос. А между тем именно литература (в России — в первую очередь она) своею силой, своим художественным языком создает тот культурный миф, с которым мы все себя в той или иной мере отождествляем, который позволяет нам чувствовать свою исключительность, свою неравность остальному миру. А без того не быть счастьем. Потому что без собственного яркого и могучего культурного мифа мы сиры, ничтожны, никчемны, а это ощущение — главная язва, гложущая счастье человека. Не объем купли-продажи, не производство и потребление, не валовой продукт и рост благосостояния — культурный миф народа делает его жизнь осмысленной и достойной, позволяет одолеть беду не через личную измену, а через общее сверхусилие. И позволяет противостоять экспансии чужого культурного мифа, издавна ведущего с твоим тихое (но настойчивое, навязчивое даже) соперничество и всегда готового взять тебя себе в услужение. Да, здесь всегда идет незримая битва: состязание грез, война соблазнов — ни горячая, ни холодная, ни на жизнь, ни на смерть — война на очарование. Быть зачарованным чужим культурным мифом в исторической перспективе — беда. Это добровольное

рабство, рабство без принуждения. Когда чужие идеалы, чужое представление о справедливости и чужой образ жизни начинают казаться более соблазнительными, чем твои собственные, — это и есть поглощение.

Почему культурный *миф*? Потому что литература существует по законам художественного, ее территория — область символического. Правду жизни оставьте очерку и публицистике — для художественной литературы важна не правда, а *замысел о правде*. То есть важна правда художественная. А художественная правда от правды жизни отличается так же, как Государь от милостивого государя. В свое время Юрий Олеша говорил (а может, и не говорил): когда читаю у нынешнего автора, что комсомолка Клава сработала за смену двести пар чулок, то отчего-то не верю, а когда читаю у Гофмана, что дверь без скрипа отворилась и в комнату вошел дьявол, верю. Просто одно написано талантливо, а другое — нет. И никакая правда жизни не сможет сделать мертвое живым.

Еще раз — отвечает за культурный миф в первую очередь именно литература. Балет, мультфильмы и раскраски — это все после. Поэтому художественное осмысление периода наших девяностых в литературе чрезвычайно важно, несмотря на то что достичь в этом вопросе консенсуса в настоящий момент вряд ли возможно (раз уж нет до сих пор консенсуса в тяжбе красных и белых, хотя то время прекрасно в литературе отражено — и какими перьями!) — еще не затянулись раны, еще ощутимо болезненны прикосновения к запекшимся коркам. И жаркие споры до сих пор не утихли. Ведь известно: не разбив яйцо, не сделаешь яичницу. Но известно также: разбив яйцо, погубишь цыпленка.

Так случилось, что девяностые в сфере книжной культуры представлены в основном своей криминальной гранью: «Кошмар на улице Стачек», «Бандитский Петербург», «Пирания»... Хотя по значению для страны это время — воистину революционное, с огромными людскими потерями, перекраивающее области как экономического, социального, так и частного бытия. Философ Александр Секацкий назвал тот перелом «революцией стяжания». Воистину так. Обрушение прежних устоев государственности и последовавшие за этим перемены отозва-

лись во всех слоях общественной жизни, подобно сокрушительному сдвигу континентальной плиты, отражающемуся на всех элементах земного ландшафта. Последствия тех катаклизмов мы, спустя три с лишним десятилетия, пожинаем до сих пор. Пожинаем, как зараженный спорыньей и корневой гнилью урожай, и вкушаем содержащийся в жатве и порождающий болезненные иллюзии яд.

В этой книге представлены сочинения современных российских авторов, эстетические и мировоззренческие предпочтения которых зачастую совершенно несхожи. Но в данном случае нам важно не единомыслие, а подлинность высказывания: по замыслу хотелось бы увидеть, как представленные здесь произведения спорят между собой; возможно, дополняют друг друга и через это делают картину эпохи объемной. Объемной и, как свойственно живой текучей жизни, цветной и противоречивой. Это кинематографистам кажется, что в пору Средневековья солнце не светило вовсе, небо вечно было пасмурным, травы — пожухлыми и над землей беспрестанно завывал холодный ветер. На самом деле это не так — и небо улыбалось, и птицы щебетали, и пестрели весенними цветами луга. То же самое и с девяностыми...

Некоторые рассказы, включенные в сборник, созданы еще в те окаянные/благословенные времена, другие, их большинство, написаны специально для этого издания. Как бы то ни было, пусть читатель сам судит о соответствии книги, которую он держит в руках, породившему ее замыслу. А если судить недосуг, то все расставит по местам послесловие.

КОНСЕРВАЦИЯ

На портовскую трассу Петр Чижев поворачивал, ожесточенно вцепившись в баранку. Костяшки пальцев его побелели не столько от холода, сколько от напряжения. На третьем километре ему показалось, что в свете фар впереди мелькнула какая-то тень. Чижев тормознул, старенький ГАЗ-66 заскользил по обледеневшей дороге, плавно разворачиваясь поперек движения, а потом наконец остановился.

В полумгле, царившей перед рассветом, не мелькало уже никаких теней. Вдали подрагивали огоньки приближавшейся от аэропорта машины. Со стороны города никто не ехал. Ближайший рейс из Салехарда вылетал только через два часа.

Помотав головой, Чижев тронул с места свой грузовик, снова развернул его в направлении порта и медленно подъехал к большому сугробу на обочине. Надо было успокоиться. Мысли, уже давно неотделимые от эмоций, скакали с одного на другое, приводя Чижева в неприятное, недужное состояние.

Он злился на гололед за то, что запросто мог сейчас улететь с трассы. Злился на себя за подсевшее к шестидесяти годам зрение. Еще сильнее злился на свое бывшее начальство, которому привык доверять, начиная с далекой комсомольской молодости. Вспоминал, как последние несколько лет ему месяцами задерживали зарплату, а потом просто турнули на пенсию, будто ненужный хлам, и он, разозлившись, перебрался в одночасье сюда, в Салехард, лишь бы не встречать на улицах знакомых буровиков или геофизиков. Впрочем, этого добра хватало и тут. Однако давних настоящих друзей, кроме Севы Скворца, перед которым ему почему-то не было стыдно за свое поражение, Чижев здесь по большому счету встретить не мог. Все они остались там — одни в Новом Уренгое, другие уже в прошлом.

А он теперь сидел в холодной кабине своей «шишиги», вглядываясь в полумглу, выдыхая робкий пар, и продолжал злиться на все на свете — на «Газпром», внезапно переставший быть государственным, на Ельцина, за гроши продавшего все и всех, на жирных котов из частной корпорации «Трейдок», куда его звали как ценного специалиста, но он, разумеется, не пошел, потому что пойти к ним означало предать вообще все, чему отдал целую жизнь. А главное — он злился на то, что у него больше нет денег. Для ямальского буровика с его стажем это было ново, непонятно и унизительно.

Однако сейчас он ехал в аэропорт узнавать о прилете из Москвы сына и его товарища. На них, он знал, денег у него хватит. Чижев собирался потратить на приезд парней последнюю заначку, чтобы москвичи эти понимали, что и как может позволить себе ветеран заполярной газодобычи, ну а когда сын уедет — там хоть трава не расти.

Через двадцать минут он был на месте. Тяжеловато спустившись из кабины и хлопнув дверцей, Чижев двинулся к зданию аэропорта. Идти оказалось непросто. Проезжая часть маслянисто темнела накатанным мартовским гололедом, а суставы, застуженные в бесконечных разъездах по тундре и дальним буровым, давно уже позабыли свои прямые обязанности. Чижев прихрамывал и шаркал подошвами, стараясь держать равновесие, однако чем ближе он подходил к освещенному крыльцу, тем уверенней становилась его походка. Когда до цели оставалось метров пять, он уже буквально чеканил шаг, позабыв и нудную тянущую боль в обеих ступнях и вполне реальную угрозу вернуться со всего маху на бугристый скользкий асфальт.

В клубах дыма и электрического света на крыльце столпились буровики. Работяги лениво покуривали, улыбались, зевали, передергивали зябко плечами. Вещей ни у кого с собой не было. Очевидно, в зале остался кто-то для присмотра. Говорил среди них один, а остальные, человек восемь, время от времени посмеивались на его уютный матрок. Все в них устраивало Чижева, кроме одного. Все в них казалось родным, но не одежда. На ярких зеленых куртках пламенели огромные, во всю спину, логотипы «ТРЕЙДОК». Эти мужики летели на буровую или газовый промысел частной компании.

— Пройти дай, — невежливо толкнул Чижев одного из них, и работяги молча расступились.

Говоривший тоже умолк, словно понял причину неожиданного наезда, но тут же усмехнулся, очевидно списав ее на зависть. Однако Чижеву было плевать на его догадки. Всем своим существом он знал — нормальный буровик одет по-другому.

Еще двух таких же клоунов он увидел почти сразу, как вошел. Эти караулили груды спортивных сумок и рюкзаков, сваленных прямо посреди зала. На сумках лежал ребенок лет восьми-девяти, одетый в меховую детскую малицу с капюшоном. Чижев на мгновение подивился, зачем буровикам на вахте ребенок, но тут же забыл о нем, направляясь к окошку для справок. Ему не терпелось узнать, что там с московским рейсом.

Двигаясь по залу среди полусонных пассажиров, охранников и сотрудников аэропорта в синей форме, он совершенно не замечал напряженного взгляда молодой и очень уставшей женщины, опиравшейся на стойку закрытой билетной кассы. Одетая в длинный китайский пуховик, она стояла в небольшой очереди человек из пяти и провожала его взглядом, одновременно испуганным и обрадованным. В ней боролись два противоположных чувства, и то, которое призывало ее окликнуть Чижева, в итоге проиграло.

Женщина порывисто отвернулась к табличке «Технический перерыв», а потом неловко натянула на голову капюшон, огромный, как шлем космического скафандра. Осторожно выглядывая из этой китайской конструкции, она продолжала следить за приближающимся Чижевым, а тот шел как будто бы прямо к ней. Справочное окошко располагалось по соседству. Не выдержав, она бочком выскользнула из очереди и устремилась к поклаже буровиков, на которой дремал одетый в малицу ребенок. Женщина присела на корточки, принимаясь ненужно тормошить сонную девочку. Ей надо было хоть как-то оправдать свое внезапное перемещение. Девочка проснулась, удивленно посмотрела на мать, сморщилась, а затем вдруг увидела проходящего мимо Чижева.

— Дмитрич! — закричала она. — Дед!

Чижев остановился, непонимающе глядя на девочку.

— Катя?! — узнал он ее. — Ты почему здесь? Ты... ты с кем? А где мама?

Женщина, продолжавшая сидеть на корточках спиной к Чинову, беспомощно дернула дочь за рукав малицы и потерян-ным голосом упрекнула ее:

— Я тебе сколько раз повторяла — не Дмитрич и не дед, а Петр Дмитриевич.

Затем она выпрямилась, поворачиваясь к нему и стягивая капюшон:

— Здрасте, я тут.

— Валя? — Чинов изумленно переводил взгляд с виновато-го лица матери на раскрасневшееся и веселое лицо дочери. — Вы чего? Улетаете? Куда?

Из черного пуховика Валентины предательски торчали перья. Сидевшая позади нее Катя с хитрой улыбкой принялась выц-пывать их. Валя автоматически попыталась привести в поряд-док прическу, но волосы от долгого ожидания в аэропорту и от ее маневров с капюшоном совсем растрепались и сбились в ка-кие-то непонятные пучки, а на лбу и висках слиплись в темные прядки. Однако, несмотря на все это, она была очень мила. Ни-что не могло испортить того ясного впечатления, которое она производила на любого человека, даже мимоходом взглянув-шего на нее. Казалось, ей было к лицу все на свете — и покрас-невшие от усталости глаза, и припухшие веки, и бесформен-ный уродливый пуховик, и даже весь этот аэропорт с его полу-сонной толкотней.

Сваленный в кучу багаж внезапно окружили яркие зеленые куртки с ненавистным логотипом «ТРЕЙДОК». От буровиков нанесло холодом и табаком. Катя сморщила нос, а затем зажала уши обеими ладонками, чтобы не слышать вьющийся матерок.

— За языком следи! — негромко прикрикнул Чинов на го-воруна. — Не видишь, здесь дети!

Говорун смолк, буровики переглянулись, но возражать Чи-нову никто не стал. Переступив с ноги на ногу, он вдруг ощутил себя большим, старым и неуклюжим. Это был хорошо знако-мый приступ неловкости, которая охватывала его при встречах с Вале́й. Чинов откашлялся, не испытывая никакой потребно-сти в кашле, и мотнул головой в сторону окошка для справок.

— Я это... Мне тут узнать надо кое-что... Вы не исчезайте пока. Поговорим...

Он подошел к справочному, стукнул в стекло, чтобы привлечь внимание вялой ночной дежурной в замшевой тужурке без рукавов поверх синего кителя, но все еще видел перед собой как будто не ее, а Валентину, наострившую лыжи куда-то с дочкой в этот ранний час.

— Ближайший борт куда вылетает? — спросил он, словно забыв, ради чего сам приехал ни свет ни заря.

— В Тюмень. — Девушка с широким лицом крепкого деревенского вида громко зевнула, пряча зевок в синий форменный сгиб локтя. — Триста третий рейс. Вылет в восемь ноль-ноль.

— А следующий? — Чижев твердо знал, что в Тюмени у Вали никого нет.

— В Белоярск. Рейс восемьсот шестьдесят три. Вылет в восемь сорок.

— А в Пангоды есть прямой борт?

Девушка оторвала взгляд от своих таблиц:

— Мужчина, вы что, не решили, куда летите?

— Рейс в Пангоды когда уходит?

Валентина мало рассказывала о себе, но поселок, в котором выросла, время от времени упоминала.

— Никогда. — Девушка сдвинула строгие брови. — Авиасообщение отсутствует.

— А на перекладных?

— Ну... можно долететь до Надыма, — вздохнула она. — Или через Новый Уренгой.

— Во сколько Надым?

— В пятнадцать десять.

— Нет... — покачал головой Чижев. — Они бы не приехали так рано... Ладно, а Уренгой?

— Та-ак... — протянула девушка и забарабанила пальцами по столу, снова опуская взгляд на свои таблицы. — В девять тридцать вылетает двести девяносто седьмой на Красноселькуп. Он делает посадку в Новом Уренгое. А в десять утра туда пойдет триста пятый. Этот с посадкой в Тазовском.

Получалось, что Валентина действительно собралась к родным. Два утренних уренгойских рейса вполне объясняли неожиданную встречу с ней в аэропорту. От Нового Уренгоя на машине до Пангоды всего полтора часа. Тем не менее Чижев

продолжал ощущать какую-то странную тревогу. Он не мог понять, почему Сева не провожал своих близких.

Вспомнив о друге, Чижев задумчиво кивнул девушке за стеклом, сделал пару шагов от окошка, но тут же спохватился.

— А что там с московским рейсом? — порывисто вернулся он к стойке. — Сто пятьдесят первый по расписанию будет?

Избавившись от надоедливого пассажира, дежурная снимала тужурку, в которой по правилам службы в аэропорту, наверное, можно было сидеть только ночью. Чижев застал ее в этот неловкий момент, и рука девушки, завернувшись куда-то за спину, беспомощно застряла в отверстии меховой безрукавки.

— Мне-то откуда знать? — раздраженно буркнула девушка, продолжая сражаться с одеждой. — Прибытие в пятом часу вечера. Самолет еще с тудова не вылетел... из Москвы.

Она наконец освободилась от тужурки, приосанилась, поправила густые светлые волосы и ехидно посмотрела на Чижева:

— Вы бы еще с ночи узнавать начали. Чего так поздно примчались? Девять часов осталось всего.

— Ты, родная, не насмехайся.

— А я, дядя, не насмехаюсь. Вы зачем приехали вообще? Телефон же есть. Позвонить нельзя, что ли?

— Я звонил...

Чижев почувствовал, как наливается раздражением, и потому замолчал. Он знал, что, если сорвется, ничего путного в итоге не выйдет. Тем более Валя и Катя были рядом. Скандалить при них он не хотел.

Этой ночью Чижев спал совсем плохо. Вставал, нервничал, зыбко засыпал, тревожился даже во сне. Под утро не выдержал и позвонил в справочную аэропорта. Ему позарез надо было узнать, что там с московским рейсом — не задержат ли вдруг. Или, не дай бог, перенесут. В последнее время такое случалось. Набрав номер, он добросовестно выслушал длинные гудки, затем положил трубку и тут же опять снял ее с телефона. На второй звонок снова никто не ответил. Он постоял, подумал еще немного и решил ехать в порт. Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно — проще смотаться, чем стоять с этой трубкой в прихожей, как бедный родственник.

— Ты, доча, не спала бы в другой раз, когда дежуришь, — выдавил он в итоге. — А то знаешь, чего может случиться из-за таких, как ты?

Не ожидая ответа, Чижев снова отошел от окошка. Он знал, о чем говорил. На буровых головотяпство приводило порой к трагедиям. Гибли буровики — конечно, и по причине выброса, которого нельзя ни угадать, ни предотвратить, но случалось и так, что обычная безалаберность могла отправить на небеса не одну промасленную газоконденсатом душу.

Валя тем временем успела привести свою растрепанную голову в порядок, однако взгляд у нее по-прежнему оставался растерянный. «Затравленный», — подумал Чижев и сам этому удивился. Не такой Валентина была человек, чтобы смотреть на жизнь затравленным взглядом. Совсем не такой.

— А Скворец почему вас не провожает? — спросил он, подходя к рюкзакам и сумкам работяг из «Трейдока». — Сева-то где?

Вместо ответа Валя плотнее сжала губы, а ноздри ее чуть вздрогнули, как у ребенка, готового к слезам.

— Поссорились, что ли?

— Папа работает, — вмешалась Катя.

— Знаем, как он работает, — хмыкнул Чижев. — Дрыхнет, небось, вместо того, чтоб семью провожать. Сейчас ему позвоню, втык сделаю... Где телефон здесь? Не видели?

Он завертел головой.

— Вон там, — указала девочка на закуток рядом с туалетом, а затем перевела на французский. — La-bas.

— Не надо, — коротко попросила Валя. — Присмотрите за Катей, пожалуйста. Я пока в очередь вернусь, а то потом скажут, что не стояла.

Не ожидая его согласия, она пошла к окошку билетной кассы, у которого толпилось уже человек пятнадцать.

Чижев не знал, как сейчас, но во времена его молодости работяги на буровых чаще окликали друг друга, используя прозвище, чем имя или фамилию. Его самого, даже в бытность начальником Нарыкарской экспедиции, друзья и бывшие однокурсники могли запросто назвать Чиж. Всесильный товарищ Назаров из Главтюменьгеологии почти официально для всех

являлся Горынычем. Ну а Сева Скворцов, ясное дело, назывался Скворец. Был он действительно певуч, легок, любил покра-соваться, а потом в случае чего упорхнуть. Летучесть эта соз-дала ему определенную репутацию еще в институте имени Губ-кина, однако по распределению он все же поехал на суровый и трудный Ямал. Более того, осенью шестьдесят пятого напро-сил на тот самый лихтер, который повез оборудование и тех-нику для геологоразведки в Тарко-Сале, но в итоге сел на мель у крошечной фактории Уренгой. Геофизики тогда сначала хо-тели бросить застрявшую на реке Пур баржу до весны, но по-том передумали и, чтобы не терять времени попусту, провели отстрел профиля прямо на месте. Сгрузили на берег сейсмо-станцию с буровыми станками, распугали взрывами кочующих ненцев и неожиданно наткнулись на крупнейший в мире купол. Так Сева угодил в историю великого открытия. Уренгойское месторождение, разумеется, нашли бы и без него, разведка ин-тенсивно велась по всем направлениям. Тем не менее Скворец летает где хочет, и в тот раз он залетел напрямик в историю — с наградами, морем шампанского и званиями Героя Социали-стического Труда. А вот семью завести по своей летучести Сева не мог очень долго. Много пел, перелетал, женщины обижались. Даже когда стукнул полтинник и ему вдруг ярко сверкнула Ва-ля, неизвестно почему решившая поверить его песням, в ЗАГС он ее так и не повел.

— Всё, — энергично сказала она, возвращаясь от кассы. — Не хотели сначала пускать, но потом старушка одна подтверди-ла. Повезло, что запомнила меня. Скоро откроют, возьмем би-леты и полетим. Надо еще, чтобы бронь сняли. А то билетов уже нет. Снимут ведь бронь? Как думаете, Петр Дмитрич? Ее же всегда перед вылетом снимают.

— Да снимут, наверное, куда они денутся. Обкомовские не каждый день летают. Особенно в Пангоды. Чего им там делать?

Валя как-то странно посмотрела на Чижова:

— А мы не в Пангоды летим.

— Нет? А куда?

— В Москву.

Вот тут настало время удивляться Чижову.

— Какую Москву? Зачем?

— Ну как это «какую Москву», Петр Дмитрич. — Валя неожиданно улыбнулась, и эта ее первая с момента встречи улыбка будто изменила весь аэропорт: люди вокруг проснулись, начали двигаться живей. — Москва одна.

— Да нет, погоди, я не про то. Вам с какого перепугу туда надо? Каникулы не скоро еще. Кате в школу ходить... И где Сева?

Валя беспомощно осеклась, теряя замерцавший в ней было свет, и отвела взгляд. Что-то заинтересовало ее у стойки регистрации.

— Валентина, — строго сказал Чижев. — Хорош головой вертеть.

— Мне надо Катю показать специалистам.

— Каким еще специалистам? Она что, приболела? — Чижев обеспокоенно присел перед ребенком на корточки. — Катя, тебе плохо? Где болит?

— Нигде.

Валя потянула его за плечо:

— Петр Дмитриевич, она абсолютно здорова. Просто...

— Что «просто»? — Он резко поднялся и сморщился от боли в правом колене.

Суставам было плевать на его беспокойство.

— Ну... Вы же знаете про Катины способности... Она не совсем обычный ребенок.

Чижев понимал, о чем говорит Валя. Севина дочка удивляла с четырех лет. Запоминала на слух иностранные песни, быстро освоила шахматы, знала падежи, склонения, химические формулы, вообще много всякой чепухи.

— И что? Надо вот так вдруг срываться и лететь непонятно куда?

— Ну... Почему непонятно, — растерянно бормотала она. — Мне обещали дать телефон одного профессора... Он занимается такими детьми.

— Так, Валентина! Хватит! Я же вижу — ты на слезах. Говори, что случилось?

Она вдруг совсем по-детски всхлипнула и ткнулась головой ему в грудь.

— Петр Дмитрич, я не могу больше... Он уже полтора месяца меня мучает... Все жилы вымотал... Дома ночует через день... Я Катке вру-вру, но она же не совсем дурочка, она умная-я...

Последнее слово Валя протянула, негромко захлебываясь в накативших слезах.

Катя спрыгнула с чужих рюкзаков и прижалась к ней, просунув руки под расстегнутый пуховик.

Дальше Чижову и Валентине пришлось говорить почти шепотом, чтобы не слышала Катя. Однако девочка слышала почти все, а то, чего она не могла разобрать, подсказывало ей встревоженное детское сердце.

— Почти целую ночь сегодня проговорили, — вытирала со щек слезы Валя. — Признался, что другую полюбил.

— Кого?

— Да не все ли равно... Я спрашивать не стала. Утром вещи собрала и решила лететь к родителям в Пангоды. Позвонила туда, а папа говорит — не приезжай. У тебя, говорит, сестре четырнадцать лет, ей такой пример не нужен. Сама разбирайся...

Чижев хмыкнул. Про младшую сестру он услышал впервые. Отца Валиного не одобрял, но честно попытался понять его позицию. Не получилось.

— В общем, остается только в Москву, — продолжала Валя. — Поеду к научному руководителю.

Работая в окружном краеведческом музее, она заочно училась в аспирантуре. Писала кандидатскую диссертацию по истории освоения Западной Сибири.

— А жить ты где будешь? В прихожей у него?

— У нее.

— Да без разницы! — Чижев не сдержался, повышая голос, и Катя внизу задрала подбородок, прислушиваясь к разговору взрослых.

Она поняла, что разговор этот переходит в спор, а значит, ничего еще не решено и ситуация может снова перемениться. Ей хотелось домой, но мама, разбудившая ее час назад, оставалась замкнутой в своем новом мире, откуда слышать Катю она могла очень глухо, как будто из-под воды. То есть на вид рядом с Катей стояла все та же мама, однако достучаться до нее было уже нельзя.

Тем не менее Дмитрич, которого девочка называла так, потому что папа так его называл, неожиданно оказался здесь, в аэропорту, и это могло все исправить.

— Кому ты нужна там, с ребенком? — продолжал он. — Или у тебя на гостиницу есть?

— Нет, — покачала головой Валя. — В музей зарплату четыре месяца не дают. На дорогу у соседки взяла. Верну, когда северный проезд оплатят. Два года его не брала.

— Так на Москву рейс только вечером, — вспомнил Чижев свой разговор с девушкой в справочном. — Он сюда в пятом часу прибывает. Значит, отсюда не раньше шести улетит.

— Ничего, — твердо ответила Валя. — Мы посидим... Все равно идти больше некуда.

— А в музей? — с надеждой предложила Катя.

— В музей нельзя, — покачала головой Валентина и снова подняла взгляд на Чижова. — Она там позавчера у чучела росомахи глазик стеклянный отковыряла.

— Он был неправильный, — упрямым тоном отозвалась девочка. — Зачем они красным его сделали? У настоящей росомахи глаза красные только ночью. Днем они черные. Энциклопедию почитай. Разве люди в музей ночью приходят?

Валя вздохнула:

— Днем или ночью — теперь уже не важно. Директриса так орала, я думала — мне конец. Хорошо хоть, не уволила. Просто Катьку запретила на работу водить.

— Да черт с ней, с этой директрисой, — махнул рукой Чижев. — Пусть увольняет. Все равно денег не платит.

— Она еще обзывается, — поддержала его Катя. — Назвала меня «захухря». Ты знаешь такое слово, Дмитрич? Что оно значит?

— Как? — переспросил он.

— Захухря.

— Нет, я не знаю, — пожал плечами Чижев. — Но думаю, ничего хорошего.

— Сто процентов, — кивнула девочка. — Я ей потом припомню.

Чижев бросил взгляд на Валью и заметил, как та снова едва заметно улыбнулась.

— Чего же вы ко мне не пришли? — упрекнул он ее. — Вместе бы что-нибудь придумали.

— Что? — спросила она.

Мимолетная улыбка уже исчезла с ее лица. На Чигова очень серьезно смотрели два усталых печальных глаза.

«И действительно — что?» — подумал он.

— Мужчина! — неожиданно окликнул его женский голос.

Чигов обернулся. Мимо них проходила ночная дежурная из справочного бюро.

— Вы про московский рейс меня спрашивали... Он точно не будет по расписанию. С Москвы вылет задерживается.

— На сколько?

— Пока на четыре часа.

Она торжественно повела бровью, очевидно, считая свой долг перед обществом исполненным, и проследовала дальше.

— Катерина. — Чигов опять присел перед девочкой. — А поехали на грузовике кататься?

До города было совсем недалеко, но Катя успела задремать в прогретой уже как следует кабине. Валя отрешенно смотрела в лобовое стекло, машинально прихватывая время от времени прядь своих волос, наматывая их на палец, покусывая и явно ничего перед собой не видя. Чигов ехал медленнее обычного, помня, как по дороге в аэропорт занесло его «шишигу». Беспокоился он, разумеется, не за себя.

Настроение его с тех пор сильно переменялось, и от нудной тревоги, с которой он выезжал из дома, не осталось даже следа. Задержка московского рейса не только не разозлила его, хотя пару часов назад он больше всего именно ее и боялся, наоборот — она как будто принесла ему облегчение. И если ночью он не мог думать ни о чем другом, кроме приезда сына, то теперь совершенно спокойно переносил его опоздание.

Отрывая взгляд от дороги, Чигов иногда поглядывал то на дремавшую девочку, то на ее совершенно потерянную мать. Он еще не знал, откажется ли Валентина от идиотского плана сбежать в Москву, но втайне радовался своей небольшой победе. Ему было достаточно пока и того, что она согласилась уехать из аэропорта.

Правда, дома все оказалось немного сложнее. Не помогли даже огромные пахучие апельсины, купленные по дороге у армян за несуразные деньги. Чигов решил, что время дербанить

заначку для сына уже наступило, однако обрадовал этим он только ребенка. Катя, не скидывая малицу, принялась обдирать с апельсина шкурки прямо в прихожей, которая тут же благоухала нездешними ароматами, а Валя опустилась в своем безразмерном пуховике на подставку для обуви и смотрела на дочь.

— Сто лет их не ела, — безо всякой радости сказала она. — Даже не видела их сто лет.

— Так попробуй. — Чижев протянул ей апельсин.

Валентина взяла его, ковырнула ногтем пористую оранжевую поверхность, и лицо ее беспомощно задрожало.

— А ну, Катерина, — склонился Чижев к девочке. — Иди-ка на кухню. И шубу снимай. А то всю заляпаешь.

— Дмитрич, — с набитым ртом, который блестел от желтого сока, заговорила Катя. — А ты знал, что уши отвечают за равновесие во время ходьбы?

— Я думал, ноги, — сказал он, отнимая у нее апельсин и помогая снять малицу.

— Нет. За вестибулярный аппарат отвечают уши. Ой, у меня руки липкие. Ладонка прилипла внутри.

Она высвободилась из рукавов, схватила апельсин и умотала на кухню. Валя, закрыв руками лицо, беззвучно плакала. Плечи ее вздрагивали, и пуховик от этих движений едва слышно шуршал.

Чижев растерялся, потому что давно не оставался наедине с плачущей женщиной. К тому же он не мог понять реакции девочки. Заметила Катя, что ее мама плачет, или ей было все равно, — эта мысль приводила его в растерянность не меньше, чем сидящая на подставке для обуви Валя с руками, прижатыми к лицу.

— Дмитрич, а какая твоя любимая прописная буква? — крикнула из кухни Катя.

— Не знаю, — пожал он плечами, не отрывая взгляда от Валентины. — Может быть, «эф»?

— Нет, она скучная. А цифры тебе какие нравятся?

— Цифры? — окончательно потерялся Чижев.

Валя убрала руки от лица и начала вытирать слезы, глядя на него.

З 68 **Злые, безумные, молодые... : Памяти 90-х : рассказы.** —
СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. —
(The Big Book).

ISBN 978-5-389-33114-3

Так случилось, что девяностые в сфере книжной культуры представлены в основном своей криминальной гранью — «Кошмар на улице Стачек», «Бандитский Петербург», «Пирания»... Хотя по значению для страны это время — воистину революционное, с огромными людскими потерями, перекраивающее области как экономического, социального, так и частного бытия. Обрушение прежних устоев государственности и последовавшие за этим перемены отзывались во всех слоях общественной жизни, подобно сокрушительному сдвигу континентальной плиты, отражающемуся на всех элементах земного ландшафта. Последствия тех катаклизмов мы, спустя три с лишним десятилетия, пожинаем до сих пор.

В этой книге представлены сочинения современных российских авторов, эстетические и мировоззренческие предпочтения которых зачастую совершенно несхожи. Но в данном случае нам важно не единомыслие, а подлинность высказывания: по замыслу хотелось бы увидеть, как представленные здесь произведения спорят между собой, возможно, дополняют друг друга и через это делают картину эпохи объемной. Объемной и, как свойственно живой текучей жизни, цветной и противоречивой. Это кинематографистам кажется, что в пору Средневековья солнце не светило вовсе, небо вечно было пасмурным, травы пожухлыми и над землей беспрестанно завывал холодный ветер. На самом деле это не так — и небо улыбалось, и птицы щебетали, и пестрели весенними цветами луга. То же самое и с девяностыми...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЗЛЫЕ, БЕЗУМНЫЕ, МОЛОДЫЕ...

ПАМЯТИ 90-х

Ответственный редактор Александр Етоев
Редактор Мария Васильева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Ольга Золотова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-ABB-42463-01-R